КОНСТРУИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИСЛАМА: ГЕНДЕР, АВТОРИТЕТ И ТРАДИЦИЯ В ПРИГОРОДАХ ЧИКАГО

Эман Абдельхад

Ea1193@nyu.edu

DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.08.1.05>

This is translation of "Gender, Authority, and Islam in Suburban Chicago" by Eman Abdelhadi, Department of Sociology of New York University, published at <http://dissertationreviews.org/archives/11783>.

Обзор диссертации Джастин Хоу «Конструирование американского ислама: гендер, авторитет и традиция в пригородах Чикаго» (Howe, 2013).

Джастин Хоу детально рассматривает, как Фонд Александра Рассела Вебба¹ демонстрирует искусство риторического и идентичностного сплавления категорий «американского» и «мусульманского» в пригородах Чикаго. Фонд был создан в 2004 году восьмью мусульманами, в основном иммигрантами второго поколения, в качестве альтернативы многим мечетям чикагского региона. Основатели разделяли страхи современного мусульманского сообщества о том, что мечети стремятся законсервировать культурную специфику стран происхождения их прихожан, вместо того чтобы сосредоточить свое внимание на мусульманской вере и практике. Фонд Вебба отстаивает «чистый», или «настоящий» ислам в противоположность «культурному» исламу, но Хоу обнаруживает, что на самом деле его члены стремятся заменить арабское и/или южноазиатское культурное доминирование в мечетях на американскую культуру, определяемую ими через ценности белого среднего класса.

Методология Хоу представляет собой нечто среднее между классической этнографией сообществ и текстуальным анализом. Она собирала данные в течение полутора лет, наблюдая за уроками и внеклассными занятиями в Фонде Вебба, а также проводя тридцать глубинных интервью с работниками Фонда. Хоу анализирует, как изучает-

1. Мохаммед Александр Рассел Уэбб (1846–1916) — американский писатель, издатель, консул США на Филиппинах. Приняв ислам в 1888 году, стал одним из первых англо-американских мусульман и внес значительный вклад в продвижение идеи ислама как возможного религиозного выбора в среде западных интеллектуалов. В 1893 году он был единственным человеком, представившим ислам на первой ассамблее религий мира в Чикаго. Уэбб отстаивал представление о полной совместимости ислама и «лучшей части западной культуры» в рамках американской идентичности. — Прим. ред.

мые субъекты работают с текстами и как взаимодействуют друг с другом по поводу этих текстов. Она прослеживает логику их интерпретаций, фиксирует идеологии и связывает их мысли с широким спектром мусульманских подходов к Священному писанию и традиции. Ее интерес к идеологическим течениям и вместе с тем к жизненному опыту придает работе актуальность. В первой главе раскрывается как теоретическая, так и эмпирическая ценность работы. Основной тезис автора: участники программ Вебба, пытаясь выстроить «неразрывную» американско-мусульманскую идентичность, в действительности воспроизводят иерархии классов, рас и аутентичностей посредством своих интерпретаций «мусульманского» и «американского».

Во второй главе Хоу рисует отображение этих иерархий в географии пригородов Чикаго, детализируя сложную символику расы и класса, ассоциированную с разными частями города и его предместий. Веббовская концепция американской культуры недвусмысленно опирается на нормативность пригородной гетеросексуальной нуклеарной семьи среднего класса со всеми заключенными в ней неравенствами. Основная миссия Фонда — проповедовать совместимость потребительства среднего класса с исламскими ценностями. Фонд проводит такие мероприятия, как лыжные прогулки и туристические походы отцов с дочерьми. В этом пригородном ландшафте этнические анклавы недавних иммигрантов и иммигрантского рабочего класса представляются подозрительными и неаутентичными, как и мечети центра города, посещаемые в основном чернокожими. Те и другие символизируют сомнительную мусульманскость и маргинализованную американскость, против которых направлена миссия Фонда Вебба. Его программа американско-мусульманской идентичности проявляется и в выборе религиозных лидеров, таких как доктор Умар Фарук Абдаллах². Он получил ученые степени в элитных американских университетах, но также провел много лет на Ближнем Востоке. Доктор Абдаллах носит традиционные «восточные» одеяния и приправляет речь арабскими фразами; его эклектичный символизм отражает тот «мусульмано-американский» акцент, который Фонд Вебба стремится усилить.

В третьей главе показано, как для этой акцентировки используется интенсивная работа по интерпретации мусульманских текстов, особенно Корана. Хоу описывает эпизоды веббовских занятий по Корану, где делается сильный упор на индивидуальные усилия по его толкованию, по соотнесению текста с современными социальными проблемами и поиску доводов в различных классических и модернистских источниках. Выявляя модернистскую линию в веббовских интерпретациях, Хоу отсылает к определению либерального ислама по Курцману (Kurzman, 1998): «Термин «либеральный» полезен для описания веббовской экзегезы Корана, поскольку участники напрямую вовлечены в проект его примирения с американским либерализмом, в частности религиозным плюрализмом» (Howe, 2013, p. 103). Практики толкования вращаются вокруг поиска креативных решений проблемы такого примирения и тем самым подкрепляют допущение о том, что правильно истолкованный Коран полностью совместим с секулярными гуманистическими ценностями. Поэтому члены Фонда Вебба находят Коран понятным и простым для толкования во всех случаях, когда текст умещается в эти рамки (например, в аятах, восхваляющих межрелигиозный мир), но более сложным, когда не умещается (в аятах, оправдывающих по-

2. Умар Фарук Абдаллах (р. 1948) — американский исламский проповедник, родился в протестантской семье. Специалист по маликитскому праву, автор биографии А.Р. Уэбба. — Прим. ред.

биение жен). В последних случаях веббовские преподаватели отсылают к принципу *асбаб аль-нузул*, который подчеркивает необходимость понимать этические принципы Корана в контексте откровения. Интерпретации могут отсылать к индивидуальной логике или классической традиции, в зависимости от более приемлемого объяснения.

В Фонде Вебба интерпретация служит обороне против двух сконструированных Других. Первые — это мусульмане, чья интерпретация ислама воспринимается веббовцами как противоположная их собственной, — те, кого они объединяют под терминами «ваххабиты» и «салафиты». Как многие сконструированные Другие, салафиты — то есть модернисты-исламисты — являются не четко определенной группой, но призрачным антитезисом, который структурирует веббовское осмысление и подтверждение их проекта сопротивления. Хоу точно идентифицирует в этом проявление дихотомии «хороший мусульманин — плохой мусульманин» по Махмуду Мамдани (Mamdani, 2004). Несмотря на расплывчатое определение, Хоу выявляет веббовский контрольный тест на идентификацию салафитских «плохих мусульман»: они против гендерного равенства, они создали дихотомию халяль/харам, доминирующую в чикагских мечетях, и они осуждают суфийские практики как вредные новшества. Со своей стороны Фонд Вебба пропагандирует гендерное равенство, «серые зоны» в исламском праве и возрождает инспирированные суфизмом практики, такие как регулярные собрания-мавлиды. Но веббовские методы и мотивации на самом деле удивительно похожи на салафитские, или, если брать шире, модернистские фундаменталистские проекты. Фонд Вебба видит свою миссию в очищении ислама от разного рода загрязняющих примесей, в возвращении к модели ранней общины верующих времен Пророка Мухаммада.

Фонд Вебба также спорит с исламофобией окружающего мира, которая склонна слышать только «плохих» мусульман. Веббовская реакция на исламофобию напоминает кризис авторитета мусульман после 9/11, описанный у Зарины Грюал (Grewal, 2006). Когда политики и популярные СМИ нападают на ислам, то простые мусульмане, не особо искушенные в деталях коранической экзегезы, вынуждены участвовать в сложных интерпретативных практиках, чтобы формировать контрнарратив против исламофобов и пугающих салафитов (чьи акции также объявлены исламофобскими), — нарратив, который должен объяснить их религию им самим и окружающему миру.

Этот проект интерпретации много значит для повседневной жизни членов Фонда Вебба с ее балансом культурных и религиозных предписаний. В четвертой главе демонстрируется этот баланс на примере веббовских занятий по фикху. Фикх — широкий спектр толкований религиозного права (шариата), основанный на текстах Корана и хадисов. В начале главы Хоу описывает, как на этих занятиях пытаются защитить шариат от мощного антишариатского дискурса популярных СМИ и политиков. В отрицании того, что шариат противоположен американским ценностям, некоторые члены Фонда заходят так далеко, что предлагают считать американский патриотизм религиозным долгом согласно шариату. Занятия по фикху являются способом осмыслить шариат для тех мусульман, которые слышат обвинения в его адрес по ТВ, прежде чем углубиться в его смысл для своей ежедневной вероисповедной практики.

Исследуя содержание курса фикха, Хоу следует Камбизу Ганеа-Бассири (GhaneaBassiri, 2013) с его понятием нормативности и фокусом на «тройственных отношениях между индивидом, общиной и Богом» (Howe, 2013, p. 134). Хоу специально выделяет «производство нормативности» вокруг богослужения и межличностных отношений. На примере молитвы она демонстрирует весь спектр интерпретативных стратегий. На одном конце — «традиция» по определению Талала Асада, согласно которому люди выстраивают «правильные» позиции на основе соотношения традиции, ортодоксии и авторитета (Asad, 1986). На другом конце спектра — подбор *ad hoc* цитат из текстов или классических теорий, подкрепляющих конкретный жизненный опыт. Если отступление от догмы носит всеобщий и приемлемый характер, то развивается нормативная гетеродоксия. В области межличностных отношений позиция Фонда Вебба противоположна вышеупомянутой дихотомии халаль/харам, продвигаемой салафитскими лидерами локальных мечетей. Салафиты видят в исламе ясное и всеобъемлющее руководство как для личной жизни, так и для экономической и политической систем. Фонд Вебба отвергает это, подчеркивая то, что классическая традиция порождает право, уважающее культурную специфику и в то же время отождествляющее себя с оригинальным духом религии. Хоу пронизательно указывает на то, что веббовские индивидуальные интерпретации Корана на самом деле зеркально отражают салафитские практики: «Исламисты предпочитали отвергать здание классической исламской учености, конструируя свою концепцию шариата на базе непосредственного чтения Корана и особенно хадисов... На веббовских занятиях настаивают, что фикх необходим для приспособления к культуре, и это во многих отношениях противоположно исламистской задаче сделать шариат фундаментом политики и общества. В то же время убеждение веббовских студентов в том, что их собственный авторитет достаточен для интерпретации права, показывает, что их подход к фикху коренится в тех самых дискурсах, которые они критикуют» (Howe, 2013, p. 149).

Борясь с кризисом авторитета между индивидами и классически образованными учеными, веббовцы строят свою повседневную жизнь вокруг развития доброго нрава и близких отношений с Богом. Они делают упор на гибкости, собственном мнении и плюрализме, пропагандируя универсальную этическую систему, пересекающуюся с иудео-христианской традицией. Таким образом, участники приходят к сплетению индивидуального опыта, политического дискурса и исламской традиции в своем понимании.

В пятой главе Хоу исследует женский книжный клуб как место рефлексии и формирования идеологии. Она объясняет, как женщины-участницы «вычитывают свои повседневные проблемы и тревоги о будущем американского мусульманского сообщества в каждой книге, о чем бы она ни была» (Howe, 2013, p. 156). Книжный клуб — священное место для американской женщины среднего класса, «где протестантская теология пересекается с консюмеризмом» (Howe, 2013, p. 176). В исследуемом случае женщины отделяют себя от менее культурных мусульманок как внутри Фонда Вебба, так и внутри всего сообщества. Клуб становится местом, где американские мусульманки рассказывают о своей жизни в связи с прочитанными книгами. Обычные темы бесед — теории о 9/11 и влиянии ее на мусульманскую общину, а также переосмысление своего национализма и американского патриотизма. Гендер и сексуальность также выступают как проверочный тест на отделение «хороших» мусульман от «пло-

хих». Женщины в клубе высмеивают носительниц менее просвещенного взгляда на гендер, даже когда обсуждают свое собственное отношение к феминизму и стратегиям сопротивления в мечетях — от реформистской до отвергающей.

Диссертацию Хоу можно читать как атлас, картографию социальных, идеологических и духовных пространств изучаемого сообщества. Она вносит важный вклад в изучение проекта либерального ислама среди американских мусульман. Хоу выявила, что Фонд Вебба самоопределяется в противостоянии салафитам, однако разделяет с ними фундаментальные идеологические и методологические тенденции. Обе группы стремятся к идеальному, чистому исламу, максимально близкому в моральном и социальном отношении к изначальной общине верующих. Обе группы опираются на непосредственную, индивидуальную интерпретацию Корана, не прибегая к классической традиции. Различие между ними заключается не в модернистской идеологии или интерпретативной методологии, а в выводах. Фонд Вебба стремится к интеграции с американским белым средним классом. Даже его реакция на исламофобию глубоко американская: члены Фонда осуждают мусульман, чьи действия и идеология предположительно питают исламофобию, но очень мало говорят об экономических, политических и идеологических мотивациях исламофобов, которые не слишком связаны с исламом и мусульманами.

REFERENCES

Asad, T. (1986). *The Idea of an Anthropology of Islam*, Washington, DC: Center for Contemporary Arab Studies, Georgetown University.

GhaneaBassiri, K. (2013). Religious Normativity and Praxis among American Muslims. In O. Safi, J. Hammer (Eds.), *Cambridge Companion to American Islam*. Cambridge: Cambridge University Press.

Grewal, Z. (2006). *Imagined Cartographies: Crisis, Displacement and Islam in America*. University of Michigan-Ann Arbor dissertation.

Howe, J. (2013). *The Construction of American Islam: Gender, Authority, and Tradition in Suburban Chicago*. Northwestern University.

Kurzman, Ch. (1998). *Liberal Islam: A Source Book*. New York: Oxford University Press.

Mamdani, M. (2004). *Good Muslim, Bad Muslim: America, the Cold War, and the Roots of Terror*. New York: Pantheon Books.